

лины об Иване Грозном (гнев Грозного на сына): записано два варианта ¹⁾. Наконец, найден еще отрывок из былины „Птицы и звери“ ²⁾.

Из найденных нами былин две я выделяю в особую группу: это песни „О двух любовниках“ и „О братьях разбойниках и сестре“.

Собираемыми XIX века они помещались в отдел былин, но и тогда уже в некоторых местах начинали переходить в разряд другого жанра и воспринимались певцами, как особый тип песни ³⁾. В настоящее время, во всех местах, где нам приходилось быть, эти старины осознаются крестьянами или как „стихи“, или как „припевки“ ⁴⁾. Они, подобно духовным стихам, сохраняются сейчас преимущественно в женской среде, часто у тех, кто о былине не слышал никогда ⁵⁾, поются распевом стихов и с ними наряду ⁶⁾. Стих о двух любовниках, „Василии и Софеи“ встречается редко; записано два варианта ⁷⁾. Но стих о братьях разбойниках, известный обычно под заглавием стиха „О вдове Пашице“, довольно популярен и сейчас в северной части обследованного экспедицией района, и поется в быту, наравне с песнью протяжной и романсом, иногда и хором ⁸⁾.

IV

Перейду теперь к описанию тех типов сказителей, с которыми нам пришлось встречаться.

Я уже отметила, что преобладающим моментом в нынешнем положении былины является хранение ее в памяти отдельных, немногих крестьян, причем хранящий, не имея аудитории, не получая повода к повторению былины, постепенно забывает ее. Типичным представителем этой группы сказителей, „забывающих“, является Матвей Егорович Самылин, 47 л., из Космозера. Это грамотный крестьянин, занимавшийся и занимающийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом, живавший в Ленинграде и принимавший участие в Германской войне. Былины он знает от своего деда, Александра Тимофеевича Плакидина из Шуньгской волости, и от деда другого сказителя Космозера и сказочника П. Г. Горшкова, Павла Пер-

¹⁾ От него же и от П. К. Горшкова, Космозеро.

²⁾ П. Н. Коренная, Космозеро.

³⁾ См. хотя бы у Григорьева „Архангельские былины“, т. I, стр. 175.

⁴⁾ Петрозаводская сказительница Н. Ст. Богданова, напр., в разговоре с нами укоряла членов Московской экспедиции за неправильное, по ее мнению, название этих стихов былинами.

⁵⁾ Все записи сделаны нами от женщин: у Гильфердинга и Рыбникова есть запись от мужчин, у Григорьева же и у Маркова почти исключительно от женщин.

⁶⁾ Случай смешения с духовными стихами отмечает и Григорьев, т. I, стр. 296.

⁷⁾ М. В. Могучева, 43 л., Шуньга; Н. С. Богданова, Петрозаводск.

⁸⁾ Записано три варианта: М. В. Рагозина, 16 л., Шуньга; Н. Я. Истомина, старуха, Шуньга; А. Д. Егорова, 23 л., Шуньга.

фильевича Горшкова ¹⁾. Кроме того, сам Самылин упоминает, что видел в семье и книжку, где была, например, былина о Дюке Степановиче. Однако, если книга поддерживала, быть может, знание его деда, то для самого Самылина основным источником служило исполнение былин теми двумя стариками, о которых было сказано. Старик Плакидин, по словам его дочери и самого Матвея Егоровича, пел хорошо, не пересказывал, постоянно пел на бесёдах. Сам он „холост был—пел на бесёдах, да никто не перенял“. „Пел смолоду, память сшибло в Германскую войну“. Помнит былины о Ставре и о Добрыне, но от пения переходит к сказу, сбивается, начинает передавать прозой, просто пересказывая отдельные эпизоды, иногда лишь вставляя былинные выражения и стараясь попасть в былинный ритм. Получается пестрый, нестройный рассказ, в котором одни места передаются совсем сокращенно, другие развернуты, в прозу вплетаются отдельные былинные стихи; целый отрывок былины, хорошо сохранившийся, сменяется кратким пересказом. При передаче Плакидин забывает целые эпизоды. Так, из былины о Добрыне совсем выброшенным оказался эпизод об Алеше, как обманщике, уверяющем мать Добрыни в его смерти. При дальнейшей передаче Плакидин сам чувствует, что выходит неловко: неясно, как же узнают о смерти Добрыни. Когда я напоминаю о роли Алеши, пытается припомнить, „как это сказано“. При названии ряда былинных сюжетов, загораются радостью, пробует вызвать в памяти то отдельные стихи, то целые эпизоды. Видно, в памяти залегло много осколков прежнего, но лишь только осколков. Ог него записано, кроме указанных двух былин, еще, тоже сильно позабытый и сокращенный, вариант былины „Молодец и худая жена“ и ряд духовных стихов. Относится Матвей Егорович к старинам и стихам с громадным уважением. Трогательно было видеть то напряжение, с каким пытался он восстановить в своей памяти забытое: как огорчался он, когда не мог вспомнить, и с каким восхищением слушал, когда я напоминала ему некоторые стихи. Иное отношение у него к сказкам: „Сказки“, говорит он, „неинтересны, другое дело старины“. Исключение он делает лишь сказке про Еруслана Лазаревича, которая в его восприятии объединяется с былинами.

Степень забывания и проявления его у сказителей различны, в зависимости от сложившихся условий жизни, быть может, и от личных особенностей памяти сказителя—случаи этого явления будут описаны мною ниже. Но самый факт—обычно на лицо.

Такому нетвердому, колеблющемуся тексту соответствует и сопровождающий его напев, который представляет уже разложение обычной формулы былинного напева ²⁾. Но часто сказители этого типа былину уже не поют, а сказывают, как Ив. Ив. Касьянов из Космозера, как А. П. Мёрзлякова из Шуньги и некоторые другие.

¹⁾ О нем см. ниже очерк И. В. Карнауховой: „Сказочники и сказка Заонежья“.

²⁾ См. ниже очерк Е. В. Гиппиуса, „Крестьянская музыка Заонежья“.